

**СВО:
ФРОНТОВЫЕ
РАССКАЗЫ**

Военная проза XXI века

Глеб Бобров

СВО: фронтовые рассказы

«Яуза»

2024

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Бобров Г. Л.

СВО: фронтовые рассказы / Г. Л. Бобров — «Яуза»,
2024 — (Военная проза XXI века)

ISBN 978-5-00155-731-9

Книга «СВО: фронтовые рассказы» — это уникальный сборник писателей-фронтовиков, непосредственных участников Специальной военной операции и борьбы против киевского режима. Неприукрашенные боевые будни, чувства и мысли бойцов, которые не поймешь через экран телевизора. Обязательны к прочтению всем, кто живет одними интересами со страной. Среди авторов книги — участник СВО, председатель Международного общественного трибунала по преступлениям украинских неонацистов, член Общественной палаты РФ Максим Григорьев, Алексей Ивакин, Глеб Бобров, Дмитрий Филиппов и др.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00155-731-9

© Бобров Г. Л., 2024
© Яуза, 2024

Содержание

Максим Сергеевич Григорьев	6
Алексей Ивакин (1973–2020)	19
Конец ознакомительного фрагмента.	30

**Максим Сергеевич Григорьев, Алексей
Ивакин, Стас Кробут, Дмитрий Филиппов,
Кирилл Часовских, Глеб Бобров
СВО: фронтовые рассказы**

© Григорьев М., Ивакин А., Кробут С., Филиппов Д., Часовских К., Бобров Г., 2024

© Багринцев Д., ЛНР (худ.), 2024

© ООО «Яуза-каталог», 2024

Максим Сергеевич Григорьев На Запорожском направлении

Максим Сергеевич Григорьев, участник СВО, председатель Международного общественного трибунала по преступлениям украинских неонацистов, член Общественной палаты РФ.

– Парни, для информации. «Химарь» летит со скоростью две тире три тысячи км/ч. Ну, плюс-минус, смотря какая там ракета. Понял, да? До «немца» примерно будет 25, ну 35 км, смотря как страх потеряют, куда установку подтащат, мы их сейчас тоже шеем по полной. Понял, да? С того момента как нас срисует укровская «птичка», примерно как наша, лететь «Химарю» до нас меньше минуты. На прошлой неделе по расчету из соседнего подразделения «Химарь» прилетел. Два – 200, один – 300. Понял, да?

Все это техник расчета БПЛА с позывным «Добрыня» выдал нам, когда мы ехали на запуск большой «птички». Сам техник был среднего роста, как говорят, уже немолодой, но массивный, мускулистый и повидавший – с небольшими перерывами он воевал с 2014 года, в том числе и «в штурмах». Он действительно похож на Добрыню Никитича с картины Васнецова «Три богатыря». Было видно, что свою речь он говорит не в первый раз.

– Вы люди взрослые, сказать я вам обязан, а как дальше будете делать – дело ваше. Ваши жизни и, что тоже немаловажно, судьба дорогого беспилотника – в ваших собственных руках! – Все это не было сказано вслух, но отчетливо читалось в спокойном тоне и уверенном выражении лица Добрыни.

Всем своим видом он показывал: потери на войне никого не удивляют, каждый понимает, на что идет. Но каждый должен сделать все, чтобы выполнить боевую задачу и по возможности эти потери – хотя бы в виде самого себя и своих боевых товарищей – минимизировать.

– Наша задача: на поле приехали – качнули – запустили, сразу с поля смотались. 100 метров «птичка» набрала – и уже это ответственность операторов, они ведут. Понял, да? – уже вслух подвел итог Добрыня.

Наши беспилотники были самолетного типа, с крыльями больше трех метров. Такие летают по 3–4 часа, радиус действия под 100 километров. Запуск – с катапульты, посадка – с парашютом. В составе специальной бригады я занимаюсь воздушной разведкой. Выявление и разведка целей, корректировка артиллерийского и ракетного огня, контроль огневого поражения – это все к нам. Кроме командования, большинство личного состава бригады делится на две группы – операторы и техники. Это примерно как в авиации – летчики и техники. Операторы управляют «птичками», или «бортами», а техники отвечают за их работу, обеспечивают взлет и посадку. Каждый оператор в начале службы должен отработать несколько недель техником – традиция.

Наш расчет БПЛА дислоцировался в одном из небольших населенных пунктов на запорожском направлении. Вокруг него находились поля, с которых мы запускали и куда сажали наши «птички». На наших электронных картах в НСУ, наземной станции управления, с которой мы и управляли беспилотниками, значилось поле «Дальнее». Еще было «Ближнее», «Длинное», «Овраг», «Зеленое», «Грязное» – можно было догадаться, почему их так называли. Названия других полей – «Сочи», «Киев», «Клондайк», «Да назови как хочешь» – были уже предметом фантазии операторов. Как бы сказали ученые, так исторически сложилось. Проще говоря, кто-то когда-то так назвал – и так осталось на картах.

«Дальнее» находилось дальше от операторов, но ближе для посадки возвращающейся «птички». Это значит, что она дольше может быть в воздухе и глубже может залететь на тер-

риторию противника. У каждого расчета таких полей семь-восемь, а само место запуска и посадки все время менялось по уже проясненным нам Добрыней причинам: нас могли «вести» и, после чего прилетали ракеты американской реактивной системы залпового огня HIMARS, в просторечии – «Химарь». Самое неприятное, если они будут с кассетной головной частью. Тогда в каждой ракете будет почти семь сотен кумулятивно-осколочных боевых элементов, превращающих в решето все, до чего они долетают.

Обязательная процедура перед взлетом – проверка оборудования «борта». Чтобы «не светиться» на поле лишнее время, большая ее часть проводилась в стороне от места запуска. Через пару недель во время одной из таких обычных процедур около нас остановилась военная машина, вышел боец и, пожав руки, сказал: «Вы, парни, аккуратнее. Я тут месяц назад восемь мин снял». Мы сказали «спасибо» и переглянулись: если бы они здесь еще были, то нас бы уже не было. А раз мы еще есть, значит, мы можем закончить начатое. Все понимали, что времени терять было нельзя – от нас срочно ждали результатов разведки цели, а машина реактивной системы залпового огня по команде «старшего начальника» уже начинала выдвигаться для «работы». Как и для нас, для нее стоять на месте было опасно – противник так же, как и мы, вел воздушную разведку и на его территории ждали примерно такие же, только американские, нацеленные на нас системы залпового огня.

В населенном пункте, около которого работали наши расчеты, мы жили в обычных многоэтажных домах. Чтобы не привлекать особого внимания, операторы и разные смены техников располагались в разных домах. В квартире парни из расчета встретили нас радушно: «Располагайтесь в свободной комнате, еду берите любую – в холодильнике или на балконе, все общее». Снабжение разнообразными продуктами питания Министерство обороны наладило по полной программе – все выдаваемое съесть не было никакой возможности. Кстати, выданная форма на все случаи жизни была тоже на уровне. Те, кто хотел быть похожим на бойцов сил специальных операций, покупали желаемое за собственный счет. Заработная плата, а точнее – денежное довольствие участников СВО, была более чем достаточной для приобретения и снаряжения, и одежды, и, как часто говорят тут, различных «вкусняшек». Что-то заказывали доставкой, а что-то покупали в местных магазинах. Владельцы этих магазинов очень быстро стали богатыми по местным меркам людьми. За квартиры регулярно вносилась арендная плата, оплачивались коммунальные услуги. В самих квартирах появлялись микроволновки, стиральные машины, телевизоры, посуда или мебель. При смене дислокации купленное барахло или шмурдяк никто с собой не брал – все оставалось владельцам.

Большинство из тех, кто воевал в нашем подразделении воздушной разведки, – добровольцы. Все эти люди самостоятельно решили, что должны идти на СВО. Многие «заходили» уже не первый раз – после окончания первого контракта и небольшого перерыва подписывали новый. Признав опыт отдельного специального подразделения успешным, Министерство обороны направляло в него все больше кадровых военнослужащих. Абсолютное большинство из них были готовы учиться новому для них делу.

Таким был недавно прибывший лейтенант Сеня. Звали его, Александр, но все называли просто Сеня. Как и у многих на СВО, у него имелись усы и небольшая бородка, зато голова была подстрижена налысо. На все вопросы он без долгих рассуждений отвечал, что так удобнее. Когда он улыбается, виден один из зубов чуть в глубине. Это придает ему хитроватый и одновременно удалой вид. Характер у него шепутной – он легко берется за выполнение любых задач, часть из которых придумывает себе сам, но до конца доводит не все. Это свойство незавершенности проявляется у него во всем, даже в недоделанной на плече татуировке. Как минимум несколько раз в час его обычное позитивное настроение прерывается страшными ругательствами как по серьезным, так и по совершенно незначительным вещам. Через несколько секунд его лицо снова приобретает свое обычное улыбчивое состояние. Если его ругает начальство, он искренне признает свою вину, даже если не виноват. Если ругают свои, он просто

говорит: «Посмотри на мое честное бородатое лицо. Прости, брат». Дальше он улыбается, и ругать его нет никакой возможности.

Но, как говорится, в семье не без урода. Начальник расчета БПЛА артиллерийской бригады был лет сорока, с намечающейся лысиной и округлым животом. Он приехал для обмена опытом. Как быстро выяснится, обмениваться опытом он не собирался. Управлять беспилотниками он не умел и не хотел. На вопрос парней, как он будет выполнять боевую задачу, ничуть не смущаясь, сказал, что на это есть операторы, которыми он будет руководить. Две недели, почти все время стажировки, он проведет на кровати с телефоном, не задавая вопросов и не пытаясь ни в чем разобраться. Оживлялся он только во время обсуждения выплат денежного довольствия и продвижения по службе. Его жизненная позиция была ясной, логичной и гармоничной в своей законченности – как получше устроиться на СВО и по возможности ничего не делать. В целом он походил на мышку, которая ищет теплую и сытную норку, куда можно забиться, радуясь тому, что его никто не трогает. Сразу по приезде «мышки» Сеня наметанным военным глазом увидел у него автомат АК-12, которым Министерство обороны снабжало новые части. Взяв тот в руки и отвернувшись в сторону от людей, лейтенант снял его с предохранителя. Точнее, попытался снять, но предохранитель был намертво припаян ржавчиной:

– Как же ты будешь пользоваться личным оружием? Из него же нельзя стрелять!

Стало ясно, что за все время службы оружие не только не «прибили» – так называли пристрелку автомата, но и вообще ни разу не попытались снять с предохранителя. Для всех нас авторитет «мышки» опустился ниже плинтуса. Он стал редким плохим исключением из самых разных людей на СВО. Ни до, ни после еще одного такого встретить не удалось. И слава Богу.

В 1945 году вышел фильм «Небесный тихоход». Тот самый, в котором поют «Первым делом, первым делом – самолеты, ну а девушки, а девушки – потом» и «Дождливым вечером, вечером, вечером, когда пилотам, прямо скажем, делать нечего». Тогда дождь был серьезным препятствием для авиации. Сейчас он, как и туман с низкой температурой, препятствие для работы беспилотников, по крайней мере – таких, как у нас. Отсутствие боевой работы вызывает у всех расчетов как минимум досаду. Все «заточены» на результат, иногда летают по 20 часов в сутки. Но делать нечего – после взлета в таких условиях «птичку» можно просто потерять.

В один из таких дней, когда, ко всеобщей досаде, работать было нельзя, мы поехали к моему доброму знакомому – командиру одного из добровольческих отрядов «БАРС». Приехав в штаб, на стене под надписью «Навечно в строю» мы увидели фотографии бойцов его отряда, погибших на фронте. На другой стене висел плакат «Воин, помни! Главная твоя задача – убивать врага! Хохол сам себя не убьет!»

Я, конечно, задумался: не слишком ли прямо? В голову пришло знаменитое стихотворение Константина Симонова времен Великой Отечественной: «Убей его!»

– Не тебе ли мариупольцы рассказывали, как на их глазах падали застреленные снайперами «Азова» (организация, запрещенная в России) дети? Лучше меня ведь все знаешь... – Все это было сказано командиром «БАРСа» спокойным профессорским тоном. Из всех нас, наверно, только я знал, что у большого бородатого и мускулистого мужика со «стечкиным» в кобуре несколько написанных им книг и научная степень. Как у большинства добровольцев, его участие в войне было многократно обдуманным шагом, а формулировать свою мысль он мог лучше многих.

Командир «БАРСа» продолжал:

– Эта звериная вражда хохла к русским ничем не меньше, чем у нацистов и оуновцев¹ во время Великой Отечественной. Отмечу отдельно, что это ненависть не только к тем, у кого есть российский паспорт. Это ненависть просто к русским, которые хотят ими остаться, даже если они родились на Украине.

¹ ОУН – Организация украинских националистов.

Отдельно прошу обратить внимание на то, как на Украине сейчас прессуют и издеваются над русскими и как мы относимся к людям украинской национальности: в России никто им слова плохого не скажет, украинцы – такая же часть российского народа, как и остальные. Симонов, когда писал «убей немца», не говорил о «мирняке» – о немецких женщинах и детях. Он писал: убей вооруженного немца – врага.

Так и для нас «хохол» – это не украинец. Ты же знаешь, у меня треть отряда украинцы. «Хохол» – это солдат ВСУ или сотрудник их спецслужб, это – враг, воюющий против нас и нашего народа с оружием в руках. И не важно, где он убивает русских: на Донбассе, в Одессе или Киеве. И пока этот враг с оружием в руках, наша задача – найти и убить его в честном бою.

Тогда я подумал, что на войне по-другому быть и не может. Мне вспомнилось, что во время Великой Отечественной Симонов назвал свой стих «Убей его!» и только после победы переименовал в «Если дорог тебе твой дом...». Думаю, и мы после победы в СВО будем говорить по-другому. Но будет это только после победы, а до этого времени еще далеко...

– Ветер с востока на запад! Развернись влево! Еще левее! Стоп! Плита стоит, наедь колесом! Катапульта стоит! Небо – земле! На приеме! Готовы запитаться! Запитывай! Лови-лови! Поймал! Бугели выдвинул, лопасти расправил! К проверке готов! Начинаем! Элевоны вниз! Низ есть! Элевоны вверх! Верх есть! Элевоны нейтраль! Нейтраль норма! Готов прикрыть! Прикрой-прикрой! Прикрыл-прикрыл! Отпускай! Зажми! Зажал-зажал! Отпусти-отпусти! – На следующий летный день техники и оператор мобильной системы управления на поле говорили отработанными до автоматизма командами.

Отработанный запуск большой «птички» никак не мешал обдумывать утренний приказ старшего начальника – обнаружить и обеспечить корректирование огня для уничтожения недавно переданной на Украину из Вооруженных сил Германии РЛС контрбатареи борьбы СОБРА. В силу своей стоимости в десятки миллионов евро у самих немцев таких установок было не больше десятка. На Украину они отдали одну, но и она наносила серьезный ущерб. Как только наши орудия открывали огонь, немецкая РЛС с дальности в 40 километров в течение пары минут определяла их координаты и в автоматическом режиме отправляла данные на реактивные установки залпового огня или артиллерию противника, которые уже начинали стрелять по нашим.

Как и всегда, запуск «борта» был отработан по секундам – все понимали, что от четкости и скорости проверки зависит не только успешность запуска, но и собственная безопасность. Если бы их обнаружил беспилотник противника, мог последовать прилет американских ракет со стороны ВСУ: расчеты БПЛА противник рассматривал в качестве приоритетных целей.

Как мне пришлось неоднократно убедиться, никогда не надо недооценивать противника – надо всегда держать в голове, что противник может делать ровно то же самое, что и ты. Много позже, запуская дроны-«камикадзе» с линии боевого соприкосновения на одном из участков фронта, я «летел», взяв за ориентир несколько хорошо видных с высоты лесопосадок. Пока я «летел» в сторону украинского опорника, парни, с которыми мы были в одном окопе, поймали на мониторе чужой видеосигнал – он шел с видеокамеры дрона-«камикадзе» противника. Летел он точно так же – над той же самой лесопосадкой. Только в нашу сторону.

Никому из нас и в голову не пришло отойти в сторону – движущиеся объекты сверху намного виднее, а противник не жалеет дронов даже на одиночных бойцов. Перемещение группы привело бы к неминуемой атаке. Рядом с нами было уже с десятков снаряженных для запуска наших «птичек» с «морковками» – кумулятивными гранатами для ручного противотанкового гранатомета. Если бы это знал украинский оператор дрона-«камикадзе» – удар последовал бы мгновенно. Впрочем, даже без этого, не найдя более интересной цели и на исходе аккумуляторов, дрон-«камикадзе» противника мог бы ударить в окоп, даже не видя нас. Но в тот раз «птичка» противника пролетела мимо.

Но все это было много позже обычного запуска БПЛА, а тогда техники ставили катапульту так, чтобы пуск, как обычно, происходил против ветра. «Прикрой-прикрой» и «зажал-зажал» – это про датчик воздушного давления: он нужен для вычисления высоты, скорости и многого другого.

– К проверке магнитометра готов! 90! Есть 90! 90! Есть 90! 90! Есть 90! 90! Есть 90! – По этой команде техник вместе с «бортом» каждый раз поворачивался на 90 градусов, а оператор проверял, правильно ли системы беспилотника определяют его направление.

– Бойся-бойся! Боюсь-боюсь! Крен-тангаж! Норма! Качаю! – После этой команды включалась помпа. Когда давление в катапульте достигало нужной величины, техник убирал предохранитель и производил запуск «птички». «Бойся-бойся» означало запуск двигателя и воздушного винта. Думаю, что автор этих слов останется для истории неизвестным, но они – как народная молва – будут исправно передаваться от одних техников к другим еще многие годы. Эти несерьезные слова несут серьезный смысл – вращающиеся лопасти винта без труда могут перерубить пару пальцев замешкавшегося техника.

– Набор наблюдаю! Горизонт! На связи! – После этих слов беспилотник «вели» уже операторы наземной станции управления. Они выявляли цели, вели наблюдение за ними, корректировали огонь, фиксировали огневое поражение целей и проводили их доразведку.

После трех с лишним часов полета – все это время боевую работу вели операторы – в дело снова вступали техники. Именно они выбирали место посадки, уже на месте определяли ветер – против него операторы заводили «борт». Наблюдая за его снижением, они давали команду «Наблюдаю, прими влево», «Прими вправо» или «Так держать». И когда «птичка» пролетала над ними, следовали команды «Приготовиться!» и «Давай-давай». После этих слов операторы наземной станции управления открывали парашют, беспилотник переворачивался на «спину» – дорогой видеокамерой вверх – и садился на парашюте. Техники забирали его с поля, проверяли, а затем процедура повторялась – и «Боюсь-боюсь», и «Давай-давай» помногу раз в день. Бывало, в особенно напряженные дни расчеты единственной в Вооруженных силах РФ бригады беспилотной авиации летали по восемнадцать – двадцать часов в сутки.

В 1880 году русский художник Архип Куинджи написал картину «Лунная ночь на Днепре». На полотне – зеленоватый сказочный Днепр, в котором отражается лунный свет, а другой берег реки в полутьме сливается с темным небом.

Когда наш беспилотник летел над Днепром, никакого цвета мы, конечно, не видели – мы смотрели на него через черно-белый тепловизор. Зато на воде были прекрасно видны украинские моторные лодки, за каждой из лодок – расходящийся в стороны треугольником тепловой след. ВСУ доставляли на наш берег свой «личный состав». Точнее, пытались доставлять, но сколько из них доплывало? В голову приходит фраза мэра Киева Кличко: «Не только лишь все». Итак, доплыть вэсэушники могли «не только лишь все».

Несмотря на то, что нашей основной целью была немецкая СОБРА, другие задачи для нас никто не отменял. В ходе каждого вылета нам давали по пять-шесть объектов на расстоянии десятков километров друг от друга. Кроме этого, мы вели разведку всех интересных целей, которые обнаруживали по пути следования. Одними из таких были лодки противника.

После их обнаружения следовал короткий, но емкий диалог нашей воздушной разведки, начальника артиллерии и расчета орудия о высадившихся боевиках ВСУ:

ДРОЗД: Наблюдаем лодку на п. 21.

НОРИЛЬСК: Сопровождайте.

ДРОЗД: 8 «немцев» высаживаются на п. 23.

НОРИЛЬСК: Уничтожить. Пустыня в работу.

ПУСТЫНЯ Д-30: Есть.

После поражения цели осколочно-фугасными снарядами следовал доклад:

ПУСТЫНЯ Д-30: Общий расход – четыре ОФ. Три в район цели.
ДРОЗД: Лодка повреждена. На п. 21 наблюдаем 4 тепловые сигнатуры без движения.

Эти доклады подтверждались и радиоперехватом:

ПИРАТ: Сирко, сколько 502? Сколько 503?

СИРКО: Четыре 502. Четыре 503. Чайка повреждена. Когда эвакуация?

ПИРАТ: Сирко, не паникуй. Через 40 малых подвезут еще 10 карандашей.

Это означало, что находящийся на нашем берегу в фактической западне украинский командир с позывным «Сирко» докладывал об убитых и раненых, поврежденном катере и просил эвакуации. В ответ ему предлагали не паниковать и сообщали, что через 40 минут ему подвезут на верную смерть десять новых вэсэушников, или «карандашей».

На следующей неделе наш расчет выполнил десятки задач, но немецкую РЛС обнаружить не удавалось. Наша радиоэлектронная разведка давала примерный район ее работы, но через 40 минут «немцы» снимались и к моменту нашего подлета прекращали работу.

Охоту на СОВРА начал оператор с позывным «Волонтер». Тут надо объяснить, что многие будущие участники СВО начинали с «гуманитарного фронта». Они собирали средства на помощь подразделениям, находили им машины, закупали бронежилеты, дроны, делали на своих 3D-принтерах сбросы для гранат, организовывали концерты для бойцов, а самое главное – бесстрашно приезжали в достаточно близкие к линии боевого соприкосновения районы. Эта помощь бойцам была важна не только самой помощью, но и самим фактом внимания к ним. Началось это с «Русской весны».

Я помню, когда Донецкий аэропорт еще не был нашим, около крайней к нему девятиэтажки командир батальона «Сомали» Гиви рассказывал мне, как им приходят носки, шарфики, свитерочки и варенье от женщин со всей России. Уже тогда начало формироваться это сравнительно новое для современной России патриотическое гражданское общество. Оно было не менее, а для многих и намного более важное, чем то, что с 90-х годов насаждалось у нас как копия западного гражданского общества по принципу «раз у них есть такие организации, значит, и у нас должны быть». Многие из этого нового патриотического гражданского общества начинали волонтерами, а потом и сами брали оружие в руки. Их пассионарная волонтерская натура требовала не просто помогать, но и быть тем, кто своими руками сейчас творит, каждый на своем уровне, историю России, о которой потом будут рассказывать нашим детям и внукам.

Именно таким и был Волонтер. Еще со школы активный, бескорыстный, для которого своя совесть и идеалы были важнее любых обстоятельств, что, конечно, не очень помогало ему в жизни. Начав с гуманитарной помощи Донбассу, он быстро перешел из статуса волонтера в добровольца. На СВО он «заходил» уже не первый раз – это был второй его контракт. За свой собственный счет он покупал еду новым членам расчета, которым еще не успели перевести полагающееся им вполне приличное, но приходящее в строго определенные дни месяца денежное довольствие. На вопрос «А как же семья?» он, ни минуты не сомневаясь в собственной правоте, отвечал: «Семье же на еду хватает, а парни как будут?» Многим в стране до сих пор кажется, что таких, как он, очень мало, но на самом деле их очень много – и становится все больше.

Именно Волонтер предложил организовать посменное дежурство нескольких «птичек» в воздухе. Однажды, как только наша радиоэлектронная разведка передала, что СОВРА начала работу, именно его беспилотник оказался поблизости от нее. Через десяток минут в тепловизионную камеру с «борта» стала видна стоявшая в лесопосадке длинная установка с восемью колесами, в задней ее части было ярко светящееся пятно. Этим пятном была хорошо нагретая

антенна с активной фазированной решеткой, состоящей из тысяч передающих и принимающих модулей из арсенида галлия.

ДРОЗД: Наблюдаю объект в посадке, COBRA идентифицирована. X = 5178740, Y = 6460047.

НОРИЛЬСК: Дрозд, наблюдайте. Тубус – уничтожить.

ТУБУС: Принял к поражению.

В этот момент готовой к открытию огня и подходящей по расстоянию до немецкой РЛС была лишь реактивная система залпового огня «Торнадо» с позывным «Тубус». Она немедленно выехала на место пуска и открыла огонь, но при всем стремлении поразить цель вовремя это заняло больше десяти минут.

ТУБУС: Первые пошли.

НОРИЛЬСК: Дрозд, корректируйте.

ДРОЗД: Север 100, запад 30.

Это означало, что средняя точка попадания тройки пристрелочных ракет была на сотню метров в сторону к северу и на тридцать метров к западу в стороне от цели. Через пару минут на позицию COBRA пришла уже половина пакета РСЗО – двадцать штук. Ракеты накрыли целый квадрат и не оставили никакого шанса для поражаемого объекта.

Но к этому моменту самой РЛС уже там не было – она засекала пуск ракет, мгновенно рассчитала точки их прилета, и расчет понял, что они и есть цель. За пару минут COBRA «свернулась» и на полной скорости покинула место, на которое пришелся уже бесполезный удар.

ДРОЗД: Объект наблюдаем, уходит по гражданской автострате в сторону Николаева. Работает РЭБ противника, управление «бортом» потеряно.

Зафиксировав потерю управления от работы украинских систем радиоэлектронной борьбы, автоматические системы большой «птички» через несколько минут развернули ее на обратный путь. Через десяток минут украинские РЭБ уже не доставали до нее, управление было восстановлено, но искать немецкую систему было бесполезно: она наверняка пряталась в каком-то из гражданских объектов – прикрываться мирными было постоянной тактикой ВСУ. Охота продолжилась.

Заряда аккумуляторов беспилотника оставалось еще на два часа лета, и старший начальник передал новую цель: наблюдение за предположительным пунктом временной дислокации противника.

Подлетев к объекту, Волонтер доложил:

– Наблюдаю гражданский дом с бассейном в центре поселка на территории противника. Во дворе три гражданские машины. Заезжает военный пикап.

У лейтенанта Сени сомнений не было:

– Сто процентов ПВД противника. Они как раз в самых богатых домах размещаются. Выкидывают мирных оттуда. Надо подавать на поражение, сейчас ракетой отработают по нему. – Сеня, как всегда, был по-военному решительно настроен.

– Военных, кроме одного пикапа, не наблюдаем. Давай подлетим ближе. – Волонтер задает на дисплее наземной системы управления новую точку, куда покорно летит большая «птичка». Ближе к цели она начинает описывать круг, а оператор активирует режим автоматического захвата камерой интересующего объекта – вне зависимости от положения «птички» камера всегда направлена на него.

– Я прямо чувствую ПВД «немцев». Подавай на поражение, – настаивает Сеня. – Там мирных нет. Одни военные. Все мирные уехали. Даже если есть, а к ним военные ездят – это по-любому враги. Они нас ненавидят. Надо бабахнуть.

Но у Волонтера была ясная и четкая позиция, с которой его было не сдвинуть:

– Сеня, среди этих мирных внизу точно есть те, кто против нас. Они думают, что Украина существовала еще при Риме, что они выкопали Черное море, рисуют на иконах Степана Бандеру и уверены, что если бы не было России, то у них было бы как в Швейцарии.

Сказав это, он нашел на карте в наземной системе управления видные с камеры беспилотника длинные теплицы на отшибе села, над которым мы пролетали. С помощью этого системы борта понимали свое точное местоположение даже при заглушенных спутниках. «Привязываться» к земле необходимо каждые пять – десять минут. Подозреваю, что примерно тем же занимались штурманы самолетов прошлого века.

Волонтер спокойным, но уверенным голосом продолжал:

– С 1991-го украинцам так промыли мозги, что часть из них нас ненавидят, – кивая на изображение домов с видеокамеры беспилотника.

– Они бы с удовольствием выбивали бы из-под нас с тобой табуретки, а может, и петельку и тебе, Сеня, и мне на шею накидывали. Но даже эти люди, пока не взяли оружие в руки, пока не стали действовать против России, – мирное население. В этом-то и наше отличие от них. Они с 2014 года стреляли на Донбассе по «мирняку», сжигали людей в Одессе, пытали и убивали тех, кто пытался им возражать. Но мы такими зверьми не хотим быть и не будем. Лучше мы упустим военный объект, чем убьем гражданских. А сюда завтра еще прилетим, если убедимся на 100 процентов, что тут ВСУ, тогда уж... – Он с силой хлопнул открытой ладонью правой руки поверх сжатой в кулак левой. – А пока разговор закончен, – жестко подвел черту Волонтер.

Позже Волонтер рассказал мне историю Сени.

Со скоростью больше двух тысяч километров в час американская ракета летела на русскую радиолокационную станцию. В ее боевой части было почти 70 килограмм взрывчатого вещества – попадание в нашу РЛС не оставляло ни для нее, ни для расчета операторов в небронированной кабине никаких шансов. Удар наносил украинский экипаж на польском МиГ-29 – большая часть собственных самолетов Украины уже была уничтожена, и Польша – давний враг России – отдала ВСУ более десятка таких самолетов.

Целью американской ракеты была наша трехкоординатная радиолокационная станция «Небо» – она могла на расстоянии в много сотен километров засекать самолеты и ракеты противника и в автоматическом режиме выдавать их координаты для системы ПВО. Это означало, что расчет РЛС прекрасно видел не только МиГ-29 ВСУ, но и пуск ракеты, а через несколько секунд уже понимал, что это именно американская AGM88 HARM и летит именно к ним и по их души.

– Можешь себе представить, сидят в кабине управления три молодых парня двадцати с чем-то лет, которые только-то жить начинают, и вдруг понимают, что ракета летит прямо в них, – рассказывал Волонтер. Его рука с остро заточенным карандашом в это время нацелилась на центр стола, а затем быстрым движением ударила по нему, а он продолжал: – Парни все уже понимают, у них все на дисплеях – и координаты ракеты, и скорость, и знают уже, какая именно ракета по ним летит. Ни отключить РЛС, ни выбежать из кабины они не могут. Все понимают, что станция не сама по себе: она – «глаза» для системы ПВО, которая прикрывает наши города. Ее не просто так хотят уничтожить – это начало атаки. Сначала выбивают РЛС, а потом запускают ракеты из реактивной системы залпового огня. Помнишь, как украинцы ударили по Белгороду из чешских РСЗО «Вампир»? Тогда большую часть ракет удалось сбить, но даже несколько, что прорвались, убили двадцать пять мирных, а ранили вообще под сто. А там и женщины, и дети. Так и здесь, без РЛС с работающим расчетом на месте не сможет действовать ПВО, не отработает ПВО – умрут мирные люди. Поэтому и сидел расчет вместе со своим командиром – лейтенантом Сеней до конца. Уже к смерти готовились – ракета подлетала, оставалось пять секунд. Попрощались только парни друг с другом – никто даже не думал

выключить РЛС или уйти с операторского места. Слава Богу, успела наша ПВО в последний момент сбить американскую ракету.

В этот момент я осознаю, что тот, кого я считал просто шутливым хорошим парнем, – настоящий герой. Совершенно такой же, как те, о которых мы смотрели фильмы про Великую Отечественную. А наши дети, как и мы когда-то, будут смотреть фильмы про то, что делают сейчас мои боевые товарищи.

– Сенья, Волонтер мне рассказал про твой подвиг, ты просто красавчик, – говорю я. – Тебе минимум «мужика» (орден Мужества) за это надо давать.

– Ну какой это подвиг, мы делали то, что были обязаны по инструкции делать. А орден... ну, может, еще дадут за что другое, – отвечает он.

Как ни старалось Министерство обороны быть справедливым, награды очень часто были... непростой темой. Очень многое зависело от случайности – успели подать или нет, не поменялся ли командир, который знал о том, что ты сделал, а новый не знает, не слишком ли много уже наград за эти месяцы получило твоё подразделение и множество других субъективных причин. Но практика показывала, что достойных людей, как правило, награды рано или поздно находили. Главное, чтобы к этому моменту они были живы.

Пока техники запускают «птичку», операторы готовятся к полету: включаем НСУ – наземную станцию управления, вводим координаты расположения антенны, место старта, включаем пульт управления видеокамерой БПЛА, выставаем флажок определения положения по инерциальной навигационной системе, а не по спутникам, которые на нашей территории глушим мы, а на чужой территории – противник, выставаем на максимум мощность передатчиков – для перехвата управления от мобильной системы управления к наземной и до набора высоты ничего не должно мешать бесперебойной связи. Конечно, не забываем предупредить нашу ПВО, чтобы она знала, что лететь через определенный ей «коридор» мы будем ровно через 20 минут.

К этому моменту «птичка» уже в воздухе – включаем модем, антенну в сопровождение, проверяем влажность, задаем крейсерскую скорость и время ожидания до возвращения в случае потери связи, уменьшаем мощность передатчика, чтобы не демаскировать «борт» для РЭБ противника, и ставим первую точку полета. Это – тот коридор, через который мы летим на территорию противника и который обозначило наше ПВО, чтобы случайно нас не сбить.

Как всегда, на несколько часов полета для разведки мы получили много целей. Вскоре после того как мы оказались на вражеской территории, на нас вышла наша радиоэлектронная разведка – COBRA снова начала работу. Два луча из разных мест с нашей территории пересекались на карте на территории противника. Именно оттуда и шел сейчас сигнал «немцев». На подлете к ней по нам начинает работать РЭБ противника – управление БПЛА заблокировано. Раз за разом мы меняем частоты управления, переходим на ППРЧ – псевдослучайную перестройку рабочей частоты, когда частоты системы управления скачут по всему доступному диапазону, но связь не восстанавливается. Украинские, а может, и натовские операторы РЭБ хорошо оберегали свою COBRA.

Через десяток минут автоматически вставший на обратный курс «борт» выходит из радиуса действия украинской РЭБ. Управление восстанавливается, и нам удается с другой стороны и на другой высоте подлететь к лесопосадке, координаты которой нам передала радиоразведка. Там явно что-то было – мы видим следы колес на поле, вырубленный кустарник: позицию явно готовили заблаговременно. Но сейчас немецкой РЛС нет. Не успели. Охота продолжается.

Вечером «солдатское радио» передало нам грустную новость: погиб приезжавший к нам на стажировку начальник расчета – тот самый, с неработающим автоматом, который он ни разу не удосужился снять с предохранителя. Как он ни хотел быть в стороне от боевой работы, но по приказу командира ему все-таки пришлось выехать на старт их беспилотника. Думая о себе, а не о своем расчете, он не стал дожидаться старта, а отошел подальше – на край поля. Как

пишут в романах – «роковая случайность»: именно туда и попала большая часть от кассетного боеприпаса ракеты противника. Беспилотник же успел стартовать, а у техников, что его запускали, ни одной царапины. Жизнь любит преподносить сюрпризы. Весь год человек бегал от опасности, искал, где потеплее и посытнее, – и нашел свою смерть. Другие же, которые каждый день подвергали себя опасности, – без царапины.

Такой случай был на моих глазах еще в 2015 году. Моей задачей тогда была фиксация украинских нарушений Минских соглашений – сейчас даже не верится, что это когда-то кого-то серьезно волновало. Тогда еще Мариуполь был не наш, но на пути к нему лежало село Широкино, которое было под нами. В одном из штабов нам сказали, что ситуация там достаточно спокойная, и мы выехали к нему с одним из уже бывалых гуманитарщиков – хорошим парнем, много сделавшим для общего дела, а сейчас собравшим своих знакомых ополченцев мне в помощь. Когда мы приехали, как часто бывает на войне, все оказалось по-другому – по селу регулярно работала артиллерия противника, а когда мы в него зашли, вокруг начали посвистывать пули. Кажется, они уже были на излете, а может, и нет – не помню. С точки зрения штаба отсутствие украинской атаки на село прямо сейчас и означало, что ситуация была спокойная. Через несколько месяцев неонацисты из «Азова» все-таки взяли Широкино, и освобождали его наши войска уже на СВО.

Но тогда, в первый раз, когда мы были в Широкино, особенно разрушена была та часть села, которая лежала на прямой видимости противника – до нее было меньше километра. Как сейчас помню, что на мое предложение идти на «передок» – передний край обороны – и выполнить задачу по фиксации украинских нарушений Минского соглашения бывалый гуманитарщик снисходительно улыбнулся:

– Максим Сергеевич, вы идите, а я вас здесь пока подожду. – В его глазах я явно выглядел идиотом, который сам идет в регулярно простреливаемое и хорошо наблюдаемое противником место, когда есть возможность туда не идти. На мою фразу о том, что именно это и есть поставленная задача, он с мягкой улыбкой ответил: – Ну это же ваша задача, а не моя... Вы идите, а я вас тут подожду.

Мы пошли вдвоем с местным проводником – ополченцем с позиций в самом селе. Как только мы появились в наиболее разрушенной части села, украинцы открыли по нам огонь из станкового гранатомета АГС-17. Помню, как ополченец меланхолично отметил:

– А вот это по нам, надо бы идти.

Он сказал это мягким и невозмутимым тоном, даже особенно не настаивая, хотя ситуация к такому спокойствию уже не располагала.

Мы двинулись к ближайшим домам, стараясь уйти быстрее от «глаз» противника, которые и наводили на нас огонь: тогда вездесущих «птичек» еще не было. Разрывы гранат становились все ближе, и к домам мы уже бежали.

Придя на точку встречи, мы увидели там пятерых раненых из числа приехавших с нами. Им уже оказывали первую помощь: «Буторфанол колоть в другую конечность от раны». Это были и средние, и тяжелые ранения, а гуманитарщику в госпитале даже чуть не ампутировали несколько пальцев. Помню и случайно услышанные слова одного из раненых ополченцев: «Наших пятеро раненых, а этому, из Москвы, кто на „передок“ поперся, – ничего». Ирония судьбы – шли на «передок» мы, а две гранаты прилетели к ним.

Тогда – а это было уже почти десять лет назад – я навсегда для себя понял, что решения, кто будет жив, а кто нет, кто будет ранен, а кто невредим, в самой высокой небесной инстанции принимаются по каким-то совсем другим, непостижимым нами критериям. Простая логика – «сиди в сторонке, и все будет хорошо» – не работает. Часто бывает наоборот: кто идет вперед – живой, невредимый, а кто пытается отсидеться – убит или ранен.

Можно бояться, можно не бояться – это уже индивидуально, люди бывают разные, и за это я не возьмусь их судить. А вот то, что нужно верить в себя и делать то, что должен, – это я знаю точно.

* * *

– Запоминайте пароль для блокпостов и патрулей. На сегодня до пятнадцати ноль-ноль – «Мария», после до трех ночи – «Елена». «Предупреждение» и время пролета над нами натовских разведывательных спутников дам вечером. Получше дома для вас нет, только этот – заброшенный, пока уж здесь обустраивайтесь. – На последней фразе в голосе отвечавшего за работу на новой территории послышались сочувствующие нотки.

Он продолжал:

– За продуктами ходите одетыми по гражданке, на машине старайтесь не отсвечивать, в случае остановки заезжайте под навесы, деревья, вставляйте в гаражи, чтобы сверху видно не было. Ну и ждунов здесь достаточно – они тоже могут на вас навести. Недавно здесь встала колонна, стояли больше часа. Эти дебилы поставили машины друг около друга. Ну и, конечно, американский «хаймерс» с кассетами прилетел. Посекло парней сильно. Уже вроде все знают – не надо лишний раз колоннами ездить, не надо кучковаться, не надо вставать близко друг от друга. Так нет, всегда найдется такой долбодоб, как тот, кто их вместе поставил на главной дороге в центре. Их и срисовали.

Я подумал, что за время своего участия в СВО слышал такие истории уже далеко не один и даже не десяток раз. И каждый раз грубое слово по отношению к тем, кто так себя вел, было оправдано: за чью-то небрежность парни платили своими жизнями.

* * *

Наша охота за немецкой РЛС COBRA продолжалась. За прошедшее время наша радио-электронная разведка засекала ее почти каждый день, но каждый раз наши «птички» были слишком далеко – она успевала свернуться, пока мы летели. Командованием было принято решение переместить несколько расчетов ближе к линии боевого соприкосновения. Ближе к противнику – меньше подлетное время, меньше подлетное время – больше можешь находиться в воздухе, больше можешь находиться в воздухе – больше вероятность найти и поразить цель.

В этот населенный пункт мы заходили, когда начинало вечереть, стелился туман, а затем, на нашу радость, пошел и дождь. Это было идеальное «окно» – в дождь беспилотники летают меньше, а в туман им хуже видно сверху. К тому же именно в это время «дневные» камеры заменяют на «ночные» – «птички» противника на земле, а не в небе.

Когда мы уже подъезжали к новому месту, перед нами на дороге туман начал сгущаться и краснеть. Демонический оттенок происходящего стал еще больше, когда в тумане появились два блуждающих красных глаза. Пока мы объезжали ямы от обстрелов по дороге, эти красные глаза медленно, но неотвратимо приближались к нам. Каждый из нас задумался: что же это за место, куда мы едем? Что за адский туман?

В романах бы написали, что в этот момент мы сжали оружие в руках. Автомат в руках действительно придает уверенности. Но на этот раз наше личное оружие так и лежало на месте. Инфернальный туман нас волновал намного меньше, чем вероятный обстрел со стороны противника.

Через пару минут мы увидели зеленую военную «буханку» – ее фары были закрыты красной пленкой. Она медленно объезжала ямы от обстрелов и двигалась в нашем направлении. Это изделие Ульяновского автозавода и было теми адскими глазами, которые мы видели в красном тумане.

Уже вечером, когда мы разместились, нам переслали «Предупреждение» – информацию, полученную по данным радиоперехватов противника. В ней были координаты наших военных объектов, местоположение которых выявил противник. В этом перечне мы искали все, что заканчивалось словом «БПЛА», – это напрямую касалось нас. Теперь надо оперативно проверить координаты. Наш расчет или чужой? Наше подразделение или нет? Если координаты наши, надо менять дислокацию. Тут не угадаешь – может, через десять минут ракета прилетит, а может, у нас еще есть несколько дней. Но если в списке твои координаты – бессмысленно испытывать судьбу никто не будет, и надо быстро перемещаться. В этот раз координаты оказались не наши – они показывали на близлежащие населенные пункты. Искать никого было не надо – «соседи», попавшие в список целей врага, тоже прочитали «Предупреждение», проверили координаты, нашли себя и уже поменяли место расположения.

Наша наземная станция управления располагалась в заброшенном сельском доме, в котором уже давно не было хозяев. На окна в качестве светозатемнения мы прибили одеяла – с улицы не было видно, что там находятся люди. Антенны системы управления «птичкой» мы разместили на расстоянии в несколько сот метров от импровизированной операторской. Радиоэлектронная разведка противника с натовской аппаратурой могла засечь наши сигналы, после чего стоило ждать в гости «хаймерсы». Нет смысла упоминать, чтобы было бы с нами, если бы мы находились вместе с антеннами.

Перемещение ближе к линии боевого соприкосновения сыграло свою роль – нам даже несколько раз удалось обнаружить немецкую РЛС. К сожалению, это было перед самым прекращением ее работы, и наши средства огневого поражения все равно не успевали.

Именно Волонтер предложил то, что он назвал «охота по-научному». Начали с изучения рельефа – при всех своих технологиях обмануть рельеф и законы распространения радиоволн «немцы» не могли. Ясно, что их РЛС окажется там, где радиоволны будут легче доходить до позиций нашей артиллерии и не будут находиться в низинах или за горами. Затем места и время появления COBRA стали фиксироваться на общей для всех расчетов цифровой карте. Помечались и все расчищенные лесопосадки, в которых могли быть подготовлены места для ее работы. И тех и других было несколько десятков, и теперь, выполняя другие задания, наши «птички» залетали по дороге и на их разведку. Было понятно, что рано или поздно «немцы» начнут использовать места работы по второму разу. Но самое главное, что под эту задачу было согласовано использование оперативно-тактических ракет «Искандер». Наш беспилотник, радиоэлектронная разведка и расчет с ракетами превращались в импровизированный целевой разведывательно-ударный комплекс.

Кроме охоты на немецкую РЛС COBRA, расчет беспилотной авиации ежедневно летал на самые разные задания – выявляли цели, вели корректирование огня, фиксировали огневое поражение, а по вечерам проверяли, не находимся ли мы в списках украинских целей в «Предупреждении». Иногда оно дополнялось информацией об украинских диверсионно-разведывательных группах:

«В районе... работает диверсионно-разведывательная группа противника численностью до пяти человек. Передвигается на машине УАЗ „Патриот“ темного цвета. Предъявляет боевое распоряжение воинской части... Группа оснащена стрелковым вооружением. При задержании проявлять осторожность».

В один из таких дней, когда Волонтер вел беспилотник далеко над территорией противника, наша радиоэлектронная разведка переслала нам информацию о начале работы немецкой РЛС и примерный квадрат ее нахождения. В этом районе на карты всех расчетов уже были занесены оборудованные для нее позиции, и вероятность того, что она станет их снова использовать, была высока. Оставалось только проверить.

Ближайшие к нам места расположения оказались пустыми. До следующего было не меньше двадцати минут лета. Напряжение нарастало. Неужели снова упустим?

– Сколько уже работает? – спросил Волонтер. Всем было понятно, что речь идет о времени с момента начала работы немецкой РЛС.

Сеня тревожно сгущал краски:

– Еще двадцать малых – и снимется. Не успеваем долететь. Опять упустим. И заряду аккумулятора конец приходит.

Все понимали, что мы опять не успеваем, но Волонтера было не так просто заставить смириться с проигрышем:

– Пробьемся. Ищи мне попутный ветер по метеопрогнозу. На всех высотах. Чтобы этот ветер помог и до цели долететь, и домой.

Через пару минут мы снизились до километра, где попутный северо-западный ветер уже разгонял «птичку» на пути к цели. А через десяток минут в «ночную» камеру мы уже увидели стоявшую в лесополосе машину сопровождения и саму установку, а на ней – светящееся пятно. Оно было направлено прямо на нашу территорию. Мы взяли ее теплой – как по ее неготовности к нашему визиту, так и по температуре ее антенны.

– РЛС COBRA наблюдаю, объект идентифицирован, X = 5184018, Y = 6463959! – Волонтер доложил в штаб. Убедившись по пришедшим фотографиям, что это действительно то, за чем мы все вместе столько охотились, из штаба прислали ответ:

– Наблюдайте, десять малых.

Через пять минут мы увидели ракету. Точнее, не ее, а результат ее применения – скорость оперативно-тактической ракеты «Искандер» слишком велика для наблюдения. Белое озеро взрыва, которое мы видели через «ночную» камеру, поглотило и немецкую РЛС, и машину сопровождения. Немецкие десятки миллионов евро вылетели в трубу, а ВСУ потеряли свою самую современную станцию контрбатарейной борьбы. Задача была выполнена.

– Сеня, по-братски, веда «птичку» домой, а я чуть передохну, послушаю музыку. Немец гуд-бай, – резюмировал он на современный манер. Волонтер включил музыку на компьютере – он был любителем старого западного рока, но в компьютере по странной случайности запел Джон Леннон с песней Imagine, в переводе на русский – «Представь».

Кумир прошлых поколений пел: «Представь, что нет стран», «Мир станет одним целым», «Представь, что нет рая и ада», «Представь, что все люди живут сегодняшним днем», «Нет ничего, за что можно было бы умирать».

Эту мелодию я слышал десятки раз, но сейчас она вызвала во мне особенное отторжение – я не был согласен ни с чем из того, о чем в ней пелось. Я не хочу жить в мире, где нет России и нашего народа. Я не хочу, чтобы исчезли другие страны, а мир превратился в одно навязанное всем целое – где же в нем тогда свобода? Мир без рая и ада – это мир без наказанности, мир без воздаяния и за зло, и за добро, мир, в котором «нет Бога, значит, все дозволено», как писал Федор Достоевский. Я не хочу и того, чтобы люди, подобно животным, существовали без смысла.

Я и сотни тысяч моих боевых товарищей дышим на СВО полной грудью. Мы знаем, за что стоит умирать. Мы знаем, за что стоит жить.

Алексей Ивакин (1973–2020)

Чернухино. Ик-23. Повесть

После второго залпа «Градов» по Чернухинской колонии начали работать минометы. От близких разрывов вылетали стекла, осколки летели на койки, втыкались в подушки, рвали одежду. Заключенные сидели на корточках, прячась за импровизированной баррикадой из тумбочек. Отряды перемешались. Охрана, опера и прочие сотрудники ИК-23 разбежались, оставив подопечных на произвол судьбы. Толпы зэков метались из секции в секцию, стараясь укрыться от прилетающей смерти.

Тех, кому не повезло, оттаскивали в душевые. Там хоть кровь стекала в канализацию. Война всех уравнивает. Вместе лежали и «смотрящие», и «опущенные». И таскали мертвых тоже вместе. Понятия остались в довоенной жизни.

Осужденный Потапов с погонялом Боцман после очередного близкого разрыва выполз из спальни в коридор. Там хотя бы окон не было.

– Подвинься, – пихнул острым локтем какого-то зека. Тот сидел, подтянув колени и уткнувшись лицом в них.

Зэк не ответил. Осужденный Боцман ткнул его еще сильнее, тот медленно завалился, сполз по стене и глухо ударился головой о бетонный пол, покрытый желтым линолеумом. Лицо его было перепачкано запекшейся кровью.

Боцман огляделся. Кругом стонали, матерились, харкали кровью. «Шныри» рвали полосами простыни и кальсоны, неумело заматывали раны, бегали с кружками воды. Откуда-то доносились глухие удары, словно кто-то бил топором по двери.

Мелькнуло знакомое лицо.

– Хохол?! – крикнул Боцман. – Хохол!

Невысокого роста зэк оглянулся. Измятое лицо, серые глаза, бесстрастный взгляд. Да, это Хохол.

– Боцман? Живой? Мне сказали, тебя завалило вчера.

– Хрен им, – сплюнул Боцман и встал, придерживаясь за стену казенно-голубого цвета. Он сам ее красил в прошлом году. – Хохол, нам кранты.

– Будто я не знаю, – ухмыльнулся Хохол.

Если бы Боцман увидел эту ухмылку пару месяцев назад, он бы, наверное, обделался. Если Боцман сидел за чистые кражи и на зоне сторонился воровской кодлы, стараясь быть ближе к мужикам, чем к ворам, то Хохол... Про Хохла ходили легенды.

Говорили, что первый раз тот сел за то, что менту заточку в печень всадил. Милиционер был его одноклассником. И женился на подруге Хохла, не дождавшейся того из армии. Говорили, что прямо на свадьбе и заколол бывшего друга. И сдался сам. А по зонам пошел «по отрицалову». Слов лишних не говорил, движений резких не делал. Был вежлив и чистоплотен. Но если узнавал, что в отряде «сука» или «крыса», мог зарезать так же спокойно, как играл в шахматы. Срок ему добавляли и добавляли, приближался четвертьвековой юбилей.

Познакомился Боцман с Хохлом, как ни странно, в библиотеке. Тогда его только перевели в ИК-23, попал он на карантин, потом в третий отряд, где и жил Хохол, потом уже во второй перевели. В библиотеке были отрядные дни – раз в неделю зэки одного отряда могли туда приходить, если хотели. Телевизор Боцман презирал, предпочитая читать. Вот тогда они и разговорились. На неделю можно было взять пять книг. Читать, конечно, из новинок было нечего. Зато много классики. От Жюль Верна до Мельникова-Печерского. Вот четыре книги «На горах» и «В лесах» Боцман уже взял и думал, что бы еще подобрать, но как-то глаз не цеплялся ни за что.

– Вот эту возьми, – Хохол неожиданно вынырнул из-за стеллажа и протянул Боцману книгу.

«Белые и черные». Александр Котов.

– Это шо? – не понял Боцман.

– Книга. В шахматы можешь?

– Да я больше в буру там...

– Бура для малолеток. Шахматы для королей.

И ушел.

Мельникова-Печерского пришлось продлить еще на пару недель, впрочем, библиотекарь по этому поводу не переживал. Гораздо большей популярностью у контингента пользовались женские романы, а не русская и мировая классика.

Боцман зачитался книгой о великом русском шахматисте. Странные, какие-то магические, волшебные слова – эндшпиль, испанская партия, сицилианская защита, ферзевый гамбит – завораживали и манили. За ними скрывалась невиданная для Боцмана свобода: тихий закат над штилевым морем, пальмы, ром, влажные глаза мулаток, треск падающего сейшельского ореха...

Через несколько дней Боцман пришел к Хохлу и попросил его научить играть в шахматы. Хохол согласился, но не успел. Сначала его перевели в другой отряд, а потом началась война.

– Хохол, нам хана, – повторил Боцман. – Тикать надо.

Что-то очень большое разорвалось на плацу колонии.

– Надо, – согласился Хохол. – Но куда? И как?

– Да пофиг – как, главное – выбраться, я уже третьи сутки, кроме воды, ничего не жрал!

– Слушай, Боцман, по нам лупят со всех сторон. Украинцы, сепары, какая разница? Наверняка зона окружена, на рывок пойдем, нас сразу пехота положит в лоб – и мама не горюй. Сечешь?

– Секу... И шо робыть?

– Рокировку.

– Не понял? Это как в шахматах?

– Типа того. Ты трупы рексов видел здесь?

– Не...

– Жаль. Я тоже. Видать, сдрыгнула охрана, а то можно было бы переодеться.

– Так убежали все.

– Ну мало ли... Курить есть?

Боцман полез в карман, достал мятую пачку «Беломора», в ней оставались пять папирос. Закурили прямо в коридоре. Неделию назад за такое их бы отправили в ШИЗО.

Пробежавший мимо молодой совсем зэк резко остановился, учуяв табачный дым:

– Пацаны, дайте тягу.

– Пацаны сиську на параше сосут у дядек со стажем.

Страшный, холодный, льдистый взгляд Хохла ударил по лицу пацаненка, и того просто сдуло из коридора.

– Шо ты так? – спросил Боцман, но его слова заглушил очередной разрыв.

– Га?

– Шо вот так, – стряхнул с головы пыль штукатурки Боцман. – Шо беспределить? Дали бы по тяге пацану...

– Мне та тяга нужнее, – коротко бросил Хохол. Приподнялся, встал, отряхнул колени, подошел к лежащему осужденному. Ноги того были сплюснены и перемотаны красной тряпкой, когда-то бывшей белой простыней с фиолетовой печатью в углу.

– Держи, браток. – Раненый, не открывая глаз, зачмокал губами, втянул мокрый мундштук в рот. Затянулся, задержал дыхание. Закашлялся. Попытался повернуться, не смог, затих, тяжело дыша.

В этот момент началась тишина. Впрочем, это все, даже Хохол, сразу и не поняли. Еще один промежуток между разрывами – подумаешь, стоит ли обращать внимание? Но еще минута за секундой, и ватная тишина глухо наваливалась на оглохшие уши. Пахло гарью и кровью.

– Говоришь, был кошмар? – медленно сказал Хохол.

– Ну...

– Вот сейчас кошмар начнется. Настоящий.

– Да ладно тебе, Хохол, шо вот ты все время...

– Боцман, ты откуда?

– Я? Из Енакиево, а шо?

– А я из Лутугино. Меня там все...

– Будешь жив, доберешься, найдешь пацанов, они меня грели, я им помогал словом, расскажешь, что тут было. Буду я жив, наведаюсь к тебе. Есть кому рассказать?

– Да ты шо, Хохол, да меня там кожна собака знает, шо це Боцман, да я...

Распахнулась входная дверь. В косых лучах света, падавших сквозь пыль и дым, появились фигуры. Как в голливудском кино. Каски, автоматы, бронежилеты. Они светили фонариками по лицам и телам заключенных. Не орали, не били, просто шли, аккуратно перешагивая через тела раненых, живых и умерших. Они заглядывали в комнаты, резко водя стволами. А когда дошли до конца коридора, наверное, старший из них крикнул:

– Чисто!

Боцман и Хохол рефлекторно повернули головы на крик. Увидели каким-то странным, обострившимся зрением черные отверстия в дулах автоматов. Или в штурмовых винтовках? Или... Да какая разница, если из этих дыр на тебя смотрит смерть разнообразного калибра.

– Граждане заключенные!

Хохол и Боцман повернули головы обратно, к входу. Там стоял, широко расставив ноги, какой-то военный с мегафоном возле лица.

– Граждане заключенные! Путинские наемники, российские войска и донбасские террористы двое суток обстреливали вашу колонию с целью уничтожения отбросов общества, как они заявляли.

– Трое... – чей-то слабый голос перебил говорящего.

– Что?

Ему не ответили.

– С вами говорит полковник Пилипчук. Сейчас начнется эвакуация осужденных из колонии. Нуждающимся будет оказана необходимая помощь. Просьба здоровым выйти из здания и построиться по отрядам. Раненые остаются пока здесь. Миссия Красного Креста займется ранеными в течение нескольких минут. Их развезут в госпитали.

Слова разносились по коридору и отражались от обшарпанных стен.

Привыкшие к порядку эки начали подниматься с пола. Все, кроме раненых. И тех, кто притворялся ранеными.

– Пойдем? – спросил Боцман.

– Есть другие варианты? – огрызнулся Хохол и встал.

В черных робах, испачканных кровью и штукатуркой, они медленно вставали, держась за стены, и брели к выходу, поправляя мятые кепи.

Говорящий в мегафон тоже вышел одним из первых, он встречал эков на плацу. На плечах его зеленели три больших звезды, руки он заложил за спину, широко расставив ноги.

Они выходили цепочкой, один за другим, становились в строй. Отряды поредели на треть. Остальные лежали в душевой или стонали в коридорах.

Когда вышли все, человек с большими звездами снова взял матюгальник из рук младшего офицера.

– Граждане зэки!

Строй стоял молча.

– По вам трое суток молотили российские войска из всех видов оружия. Ваши товарищи лежат сейчас, истекая кровью. Помощь идет. Кто-то этой помощи не дождался. Это не наша вина, что мы не успели. Но Украина о вас помнит и не забывает, поэтому мы здесь. И вам предлагаем несколько вариантов. Желаящие могут вступить в Национальную гвардию Украины. Добровольцам предлагается полный социальный пакет, амнистия и денежное довольствие от тысячи долларов США в месяц.

Одобрительный гул поднялся над строем зэков.

– А как амнистия? – раздался чей-то голос.

– Амнистия – само собой, это даже не обсуждается. Это по умолчанию, как говорится, – хохотнул полковник.

– Вранье, – прошептал Хохол.

– Шо так? – тоже шепотом спросил Боцман.

– Потом...

– Второе! Прописанные на территории Донецкой и Луганской областей могут вернуться домой. По своему желанию, – продолжил полкан.

И вот тут возмутились западенцы. Их держали отдельно, в первом отряде. Вот весь выживший первый отряд и заорал от возмущения. Мол, мы воевать тоже не хотим, чего это луганским и донецким привилегия такая?

– Третье! Жителям других областей тоже выходит амнистия, но чуть позже. Нам нужно провести сортировку, чтобы каждый из вас уехал домой без всяких там разных беспорядков.

Западенцы одобрительно загомонили между собой.

– А кормить будут?

– Будем, – улыбнулся полковник. – Добровольцы в АТО, три шага вперед!

Где-то треть от числа всех осужденных вышла из строя. Их очень быстро – словно овчарки стадо овец – бойцы согнали в кучу и погнали в пролом стены.

Только сейчас Боцман увидел, что стены колонии разбиты снарядами. Самые большие провалы в заборах достигали метров пятнадцати, а то и двадцати. Все вышки были разрушены. Здания разбиты. Окна вылетели. Асфальт стоял горками. Война...

– Донецкие, луганские – три шага вперед!

Хохол неожиданно сделал шаг, одновременно схватив Боцмана за рукав. Он потащил его с собой. От неожиданности Боцман споткнулся, полетел вперед, перед глазами мелькнул воткнувшийся в асфальт снаряд «Града». Хохол удержал его, затрещала черная ткань.

Потом их повели через другой разлом в стене.

Ни Хохол, ни Боцман так и не увидели, как западенцам раздали автоматы. Старые, древние АК-47, чищенные в последний раз в годах шестидесятых. Когда их раздавали – они были похожи на заливную рыбу. Кусок солидола, в котором угадывался смутный силуэт автомата. Сначала желе счищали ножами, потом протирали носками. Их заклинивало после второй-третьей очереди. Поэтому галицаи добивали своих раненых кто прикладом, а кто плоским штыком.

Главное – выжить, правда ведь?

Донецко-луганских выстроили за стенами колонии.

Украинские военные что-то ходили кругами, переговаривались друг с другом, время от времени орали в рации.

– Тройка, я Юпитер, я готов, где транспорт?

В ответ рация что-то нечленораздельно бубнила, похоже, что матом.

Боцман посмотрел на небо. Небо было близко и серо. Из небесного брюха валил снежок. Маленький такой, легкий. Он вертелся, кружился, и от него слегка кружилась голова Боцмана. Если бы Боцман родился и жил в Мурманске, Салехарде или Вятке, то он бы знал, что такое «снежанка» – странная болезнь, когда человек теряет ориентацию в пурге, он не понимает: где верх, а где низ, куда вправо, а куда не надо. А потом этот человек бесконечно падает, падает, падает в мельтешение снежинок, замороженно умирая от переохлаждения...

Но Боцман родился в Лутугино.

– Граждане осужденные! – хрипло прокричал лейтенант в полицейской форме. Он держал перед собой несколько листов бумаги. Закашлялся в серую перчатку на левом кулаке и продолжил: – Граждане осужденные! Указом президента Украины Петра Порошенко вы амнистированы...

Боцман радостно обернулся и посмотрел на Хохла:

– А ты говорил!

– Ша, молекула, – буркнул Хохол, глядя на ботинки. – Ша начнется...

– Отправить сейчас вас по домам мы не можем.

– Начинается... Чуешь, Боцман?

– Не...

– Дороги перекрыты российскими оккупантами. Однако есть договоренность с террористами. Вы сейчас колонной будете выходить от наших позиций к позициям сепаратистов. Вам необходимо намотать на головы белые повязки. Раздайте.

Рядовые побежали вдоль строя, раздавая простыни каждому пятому зэку.

– Разрезать, раздать каждому. Надеть повязки на голову, повторяю!

Зэки начали рвать руками белые полотнища и раздавать по строю.

– Напоминаю, что там, – лейтенант ткнул куда-то в сторону Луганска, – террористы, чеченские и осетинские наемники, им ваша жизнь – заработанный доллар. Вас там будут расстреливать. Желаящие остаться – шаг вперед.

Из строя вышло еще десять человек. Одного Боцман знал, молодой парень, сел за аварию. Набухался, поехал кутить дальше. Въехал в остановку. Убил одного человека, пятерых просто инвалидами сделал. Все бы и ничего, да погибшая мало была беременна, так еще и невестка харьковского депутата. Вот и дали трешечку. Легко отделался.

– Сто двадцать три осталось, – спокойно резюмировал лейтенант. – Налево!

– Отставить! – из-за спины лейтенанта появился майор. – Что, сынки, неохота Родине послужить? Понимаю, страшно. А грабить не страшно было? Убивать не страшно было? Вы же твари, поганые твари. Отбросы.

Майор шагнул к строю, медленно пошел вдоль стоящих по стойке «смирно» зэков. От него пахло застарелым перегаром.

– Шо, мрази, по домам захотелось? А когда Божьи заповеди нарушали, не боялись? Не убий там, не укради, а? Вас, сук, расстреливать надо. На площадях. Как при Сталине! Чтобы не мера наказания была, а мера социальной защиты! – Последние слова он выкрикнул на фальцете. – Сука, Родина в опасности, а вы тут... – Майор заорал на Хохла.

– Ты меня на понт не бери, гражданин начальник, – ухмыльнулся зэк и длинно сплюнул на ботинок майора. – Я и не такое слышал от гражданина воспитателя.

– Ты сейчас у меня услышишь, ты сейчас услышишь... – Майор побледнел, резко развернулся и рывкнул на лейтенанта. – Бегом выполнять приказ!

– Налево!

Тюрьма хоть и похожа на армию, но это не армия. Поэтому и повернулись все налево, но не шелкая каблуками. Так, с ленцой.

Грязь февраля пятнадцатого...

Вроде бы и зима, даже снег местами лежит. И пар изо рта есть, и небо низкое. И солнце сквозь рваные раны облаков не греет. Но вот шагаешь, ступаешь на обмерзшую землю, глина хрустит, ты проваливаешься в жижу по щиколотку, она заливается в низкие бутсы, холодом тянет до пяток, потом до пальцев, они немеют. Ноги до колен превращаются в колодки, обтянутые ошпаренной кожей. Но идти надо. Потому что вот тот пацан, который решил сесть, снять ботинки и выжать коричневым свои носки, получил пинок по спине и прикладом по затылку. От удара прикладом по затылку потерял сознание, потекла кровь из носа.

Когда эки остановились – молча, не понимая, что происходит, – над головами раздались несколько очередей. Они сначала присели, прикрыв затылки руками, потом пошли снова, куда-то на восток.

Хрипящего парня оттащили в сторону. Чтобы не мешал. Хохол и Боцман не оглянулись, когда хрип закончился треском автоматной очереди.

Сто двадцать два преступника.

Они понимали, что сквозь этот февральский туман эки могут дойти только до могилы. Могилы? Максимум до кювета вдоль дороги.

Боты мерно чавкали по проселочной дороге. Жирная грязь липла к штанинам. Шли, по привычке заложив руки за спину. По краям колонны двигались автоматчики в грязных зимних камуфляжах.

Наконец их остановили.

Слева, в низком сером тумане, угадывались ветви деревьев лесопосадки. Справа, в поле, в этом же тумане прятали разбитые головы вышки линии электропередачи. Казалось, что из тумана сейчас выйдут древние чудовища. Рыки их моторов, лязг траков доносились со всех сторон. Боцман сдерживал крик. Хохол тоже.

Колонну остановили перед полем. Островки снега белели на пашне. Вдоль поля с двух сторон чернели лесопосадки.

– Идти по краю поля, – устало сказал лейтенант. – В зеленку не заходить, на поле не выходить. Заминировано все. Шаг вправо-влево... Шаг вправо-влево, – повысил голос лейтенант, – верная смерть. И мучительная. Эвакуировать вас никто не будет. В лучшем случае убьет сразу, в худшем будете истекать кровью пару суток. Или трое.

– Нам хана, – грустно сказал Боцман.

– То я не знаю, – дернул плечом Хохол.

– Вам надо пройти поле. Вас там встретят сепары. У нас с ними договоренность. Вас там встретят. Москали обещали, шо вам окажут необходимую помощь. Но на вашем месте я бы не обольщался. Им отбросы не нужны. Так что еще раз обращаюсь. Кто хочет жить – вступайте в Национальную гвардию Украины.

На этот раз из строя никто не вышел.

Лейтенант скомандовал. Колонна жидкой цепочкой начала выходить на поле. Вернее, на тропинку между лесопосадкой и полем.

Боцман и Хохол, старательно перешнуровывая коры, затесались в самый конец. На тропу они вышли почти последними – за ними шел десяток-другой молодняка в черной униформе. Чавкала грязь, иногда скрипел снег под ногами. На ветру шевелили ветвями деревья. Рваные клочья тумана летели поперек поля.

Цепочка растянулась метров на триста.словно в старом советском игровом автомате...

Хохол шел впереди Боцмана. Не поворачивая головы, он глазами проверил, нет ли охраны вокруг: нет. Сунул руку в карман, попытался достать папиросу. И в этот момент вдруг почувствовал звериным своим эковским чутьем неладное. Вдруг завывло безмолвной паникой в груди, свело судорогой желудок, легкие замерли. Сам не понимая, что сейчас произойдет, он

вдруг прыгнул вбок, в канаву, где все «заминировано». Чисто рефлекторно за ним прыгнул и Боцман.

Они еще летели в мерзлую ледяную кашу, Боцман еще не понимал, зачем он это сделал, когда голова впереди идущего вдруг разлетелась кровавым облаком, словно кто-то сдул красный одуванчик.

А потом ударил настоящий огонь. Выстрел снайпера был сигналом. Из южной лесополосы открыли сосредоточенный огонь из стрелкового вооружения. Никто из эков даже не догадывался, что на них сделали ставки.

Тир. Сафари. Кто больше положит – тому ящик коньяка из размародеренного магазина. Впрочем, не все участвовали в соревновании на количество. Пулеметчик «Утеса», например, просто тренировался на одиночные выстрелы. Большую часть он мазал. Но если удавалось попасть, например, в ногу, то ее просто отрывало. Таких не добивали, пусть орут, панику навоят. Некоторые из тех, кто выжил в первые двадцать секунд – а это много, очень много! – зачем-то побежали в поле. Мин там не было, нет. Там их просто расстреляли.

Кто поумнее, падал в распадок, в зеленку – если так можно назвать зимнюю лесопосадку. – Бегом, бегом, мать твою! – Хохол схватил Боцмана за воротник черной робы.

Боцман сначала побежал за ним на четвереньках, потом приподнялся, но тут же пуля снайпера сбила кепи с головы, и он опять упал в февральскую жижу. Сразу прилетела оплеуха от Хохла.

– Чего разлегся, баран! Или бежишь со мной, или ляжешь тут, на хрен!

– П-п-понял, – заикаясь, протянул Боцман.

На самом деле они не бежали. Они ползли и карабкались на четвереньках.

По раненым, у которых не было рук, у которых животы были распороты и кишки цеплялись за кусты. Один стоял на коленях, харкая легкими. Боцман оттолкнул его, тот завалился на бок и вроде умер. И это была легкая смерть, просто Боцман этого не знал. Они ползли по канаве, ныряя в ледяную грязную воду, а в это время четыре БТРа выехали на поле. Конечно, никаких мин там не было.

Боцман и Хохол укрылись за толстым тополем, накидали на себя веток кустарника – больше нечем было замаскироваться.

А над черно-белым полем повис многоголосый вой. Солдаты Украины обливали раненых бензином из канистр. Потом поджигали.

Таял снег, высыхала грязь, сгорали люди.

Если бы Хохол и Боцман смотрели кино, то они решили бы, что это пропаганда. Но они лежали в грязной ледяной луже, накрытые тополиными, вишневыми и абрикосовыми сухими ветвями, и смотрели, как горят костры из людей.

Сначала один, потом другой потеряли сознание. Может быть, поэтому и остались живы.

Зачем тратить бензин на мертвых? Лежащих в ледяной жиже, окровавленных, пусть и чужой кровью – но кто проверять будет? – вонючих эков...

И даже непонятно, в чем повезло Хохлу и Боцману. Может быть, в том, что они остались живы, или в том, что они не увидели?

Пуля не всегда убивает сразу. Хорошо, если в голову или сердце. Мир просто выключается. И то не всегда. А вдруг перед попаданием пули в мозжечок включается режим «слоу мо»? И пуля медленно-медленно вворачивается в затылочную кость, сверлит ее, как бормашина? Сначала, конечно, рвется тонкая как шелк кожа – и капли крови красиво, словно пушинки одуванчика, разлетаются на зимнем ветру. Говорят, что мозг не чувствует боли. И вот вопрос: успеют ли нейроны затылка доставить до небольшого мозга сигналы? Синапсы кричат, локомотив боли несется по нервным путям, пуля, словно шуруп, медленно вкручивается в мозг. Со стороны кажется, что человек умирает моментально. А если нет?

А как быть, если осколок попадает в живот? Или отрезает ногу так, что артерия остается залепленной глиной? А если человека насквозь пробила отбитая взрывом гранаты ветка абрикоса? И занозы не в коже, нет, а в бесконечных слизистых, и они не могут быть обнаружены рентгеном?

Раненые кричат. Кричат, хватая горстями комья коричневой земли. Кто-то тяжело дышит, кто-то смотрит в низкое небо, а глаза его сварились вкрутую от близкого разрыва. Кто-то пытается привязать грязной тряпкой оторванную кисть.

И сотни криков сливаются в единый вопль: «Где же ты, Господи!»

Вместо Господа и ангелов его по краю заснеженного поля шли солдаты с красно-черными нашивками на руках. Просто разливали бензин на раненых, потом поджигали их. Впрочем, не все. Некоторые просто ржали над судорогами горящих. Некоторые же плясали вокруг человеческих костров и орали...

Вот и все.

Когда-то по этому полю, как и по другим полям бескрайней России, шли солдаты в другой форме, цвета фельдграу, чаще всего они не жалели патроны. Потому что бензин был дорог, патрон дешевле. Этим, одетым во «флору», бензина было не жалко. Волонтеры, за которыми прятались заокеанские партнеры, на бензин не жалели гривен. Ведь это уже не Россия, не Советский Союз. Здесь незалежна Украина – территория свободы. Хочешь – жги людей. Хочешь – вырывай им зубы.

Боцману и Хохлу повезло. Их все-таки не заметили.

Первым в себя пришел Боцман. Хохол, как ни странно, похрапывал. Абрикосовая веточка над его лицом мелко дрожала.

– Эй! – Боцман ткнул Хохла локтем под ребра. Тот не пошевелился.

– Эй! Эй!

Было темно. По горизонту раздавалась стрельба, ухали артиллерия и минометы. Пахло шашлыком. Без лука. Но даже в этой темноте Боцман разглядел, как голова Хохла повернулась в одну, потом в другую сторону. Открылись глаза, и взгляд его был безумен.

– Сууукааа, – протянул он.

– Хохол, Хохол, это же я! – шепотом ответил Боцман и неожиданно для самого себя легко ударил его по щеке.

В течение нескольких секунд тот пришел в себя. Это было завораживающее зрелище: словно кто-то прогревал мозг, включал передачи, и с каждым включением взгляд становился все осмысленнее и осмысленнее. Процесс перезагрузки закончился тем же паролем:

– Сука.

Сухой ком в горле колом встал на уровне кадыка. Хохол зачерпнул грязный снег и отправил его в рот. С трудом прожевал, проглотил, закашлялся в рукав.

– «Укропы» далеко?

– Я знаю? – по-одесски ответил Боцман.

Нацисты были недалеко, конечно. Надо было ползти. В каком направлении? Какая разница, лишь бы подальше от этого дерьма.

Они и поползли по канаве, по трупам и черно-красной жиже, перемежаемой островками белого снега, почему-то не утонувшего в грязи.

Мокрые и грязные, они ползли, время от времени падая в лужи, хлебая ледяной рассол снега, чернозема, жужелки и мергеля. И сплевывали щепки простреленных деревьев.

А когда начало светать, зеленка закончилась, они начали выползать на дорогу, которая пересекала поле. Ну как – дорогу... Обычную грунтовку, идущую по местным полям к птицефабрике.

Первое, что слышали осужденные:

– Руки в гору, вы кто такие?

Руки поднять не удалось, пришлось сразу лечь «звездой», как при обысках, когда мордой в пол, а не к стене.

– Граждане начальники, – сдавленно сказал Боцман. – Мы мирные зэки, ничего плохого не сделали, а шо сделали, так за то отсидели...

Перед носом Боцмана внезапно появился носок армейского ботинка.

– Помолчи, а? – посоветовал «гражданину осужденному» голос.

Женский голос.

Между лопатками Боцман почувствовал дискомфорт. Скорее всего, это был ствол.

– Вы кто? – прозвучал голос.

– А вы? – сдавленно ответил Боцман, нюхая мокрый снег.

Хохол молчал.

– На вопрос отвечай.

– Осужденный Сидельников, статья сто восемьдесят шестая, часть пятая! – как смог крикнул Боцман сквозь снег, забивавший рот.

– Это чего? – поинтересовался голос.

– Грабеж организованной группой. Тринадцать лет, – сипло вмешался Хохол.

– А ты за что?

– За решетку... – И ботинок надавил ему на шею.

– Ты свои блатные привычки брось, отвечай как полагается. Пуля в полуметре от тебя.

– Так бы и сказал, – вздохнул Хохол. – Осужденный Хохлов. Сто пятнадцатая, часть первая. Пятнадцать. Убийство двух или более лиц.

– Более?

– Трех порезал в камере. Двое сразу на глушняк, третий в лазарете сдох.

– Прямо диверс, – хохотнул тот, кто давил стволом в затылок. – За шо ты их?

– За честь...

– Девичью?

– Да пошел ты.

– Уважаю, – согласился голос. – Рюрик, и че с ними делать?

Хлопнула мина. Ни Хохол, ни Боцман не услышали ее шелестящего звука, а вот ребята в белых масках упали на грязно-белую землю за пару секунд до разрыва. У каждого свой жизненный опыт, чего уж. Потом ударила вторая, третья: начался интенсивный обстрел.

«Укропы» шмаляли наугад – просто в сторону предполагаемого противника. Поэтому мины беспорядочно падали на краю поля, рядом с дорогой, метрах в ста от разведчиков и зэков.

– Уходим, – коротко ответил Рюрик хриплым голосом.

– А этих?

– С собой...

Подгоняемые прикладами и пинками зэки бежали в сторону полуразрушенных домов. Длинную улицу из них разрушили всего за несколько дней. Где-то вылетели окна, в другом снесло близким разрывом стену, дом накренился. Во дворе третьего на вишне висела собака, вернее, то, что от нее осталось. Запах гари низко стелился над мокрой землей, где увязала обувь зэков. Ни украинские минометчики, ни польские снайперы, ни американские инструкторы не заметили странную группу из пяти человек – двух в черной униформе, трех в грязно-белых камуфляжах. Видимо, смотрели в другую сторону, туда, где рвались мины и куда тотчас прилетел пакет «Града».

А еще через несколько секунд группа Рюрика, перемахнув криво упавший забор из профнастила, заскочила в один из разбитых домов.

– До утра здесь будем, – сказал Рюрик и снял каску, а потом белую, в пятнах балаклаву.

– Ты баба, что ли? – изумился Боцман, когда увидел лицо Рюрика. – Сто лет не видел...

Рюрик сплюнула – это была и впрямь она – и ответила простуженным голосом:

– А я эков вообще никогда не видела! Белоснежка! Кухню проверь!

– Уже, товарищ сержант!

Рядовой с позывным «Белоснежка» шерстил кухню. И думал, что люди странные животные: «Вот война, вот эвакуация, вот снаряд в садочек. Телевизоры с собой в тыл тащат, мебель всякую, а вот чай с сахаром оставили. А ведь в чистом поле или разбитом городе пачка чая ценнее всякого телевизора».

– Чому ты Белоснежка? – осторожно спросил Хохол, немало подивившись странному прозвищу.

– Так получилось, – улыбнулся тот. – Тебя напрягает?

– А не запахло?

– Запахло «укропом» быть. А в Харькове, когда партизанили, под моим началом семь пацанов было. И все как на подбор мне под мышку. Так и повелось. Говорят, суки эсэбушные до сих пор бабу с позывным «Белоснежка» ищут. И хай ищут! – Он достал из рюкзака большой синий пакет.

– Ну и нехай, – согласился Хохол. Пожалуй, впервые в жизни ему стало неловко за свою кличку.

– Я ж тебя не спрашиваю, чому ты Хохол. – Белоснежка ножом вспорол пакет, открыл картонную коробку: в ней лежали консервы, упаковочки всякие, повертел в руках пакетики чая, меланхолично заметил: – Хозяйский лучше.

– Хохлов я...

– Да насрать, – ответил Белоснежка, расправил ножки у горелки, поджег таблетку сухого спирта и поставил на огонь кружку с водой. – Рюрик?!

– М?..

– Чай, кофе?

– Витаминчик мне завари.

Рюрик села возле разбитого окна, через которое залетали мокрые снежинки пополам с дождем, и внимательно наблюдала за местностью. Белоснежка заварил ей в алюминиевой маленькой кружке розовый порошок из бумажного пакетика. Запахло киселем из детства.

Потом она присела напротив двух заключенных на корточки и уперлась в них холодным взглядом. Между ног ее покоилась СВД.

– Ну что, граждане бандиты, рассказывайте.

– Это кто тут бандит? – возмутился было Боцман, но тут же получил тычок локтем под ребра. – Хохол, ты шо?

– Ни шо, а ша, – отрезал Хохол. И продолжил: – Зону «Градами» начали расстреливать. Я не знаю, чьи...

И он продолжил. Как сбежал персонал колонии. Как они пекли хлеб из муки, которую привезла Нацгвардия. Как часть раздавали, тайком, по ночам, этот хлеб местным мирным жителям, меняя его на закрутки с помидорами и мочеными арбузами. Как рядовые украинских войск старательно этого не замечали, пока пьяные офицеры орал в палатках и «Щеню», и «Не вмерлу». Как их вывели на плац, а потом начали расстреливать на бегу.

– Да вы же это сами видели, не могли не видеть.

– Видели, отец, видели, – сказала сержант Рюрик и ударила пальцем по оптическому прицелу винтовки.

– Видели, а чего ж не стреляли, – с горечью сказал Хохол.

– Стреляли, – коротко ответила она.

Белоснежка протянул кружку – нашли в хозяйском шкафчике – с чаем Хохлу, чуть позже Боцману. Странное дело, чуть подкрашенная и подслащенная горячая вода, а к жизни возвращает. Смеркалось.

Закусывали галетами, от них пахло плесенью. Рюрик приказала остальной сухой паек не трогать до утра. Но и этот внезапный ужин нагрузил мужиков теплой тяжестью в желудке, и веки сами собой поползли вниз. Первым дежурил молчаливый Белоснежка, наблюдавший за тем, как по небу ползут медленные сигнальные ракеты, как низкие облака режут очереди трассеров, а на горизонте ярко-оранжевым вспыхивают мины и снаряды самых разных калибров.

В час ночи Белоснежка неслышно потянулся, встал, пошел вдоль стенки от окна, стараясь не хрустеть осколками разбитых стекол. Потом нагнулся и осторожно потряс за плечо Хохла, спящего вдоль буфета на кухне.

– Га? – Хохол резко подорвался и врезался головой в стол.

– Цыха! Дежуришь до трех часов, потом смену будишь.

Упал на пол и немедленно захрапел.

Хохол, толком еще не проснувшись, посмотрел на АКСУ в своих руках. Такие «ксюхи» носила охрана...

Он захотел спросить: «Это мне?», но спрашивать было не у кого. Рюрик сопела в углу под единственным неразбитым окном, ей постелили двуспальный разодранный матрас и накидали сверху хозяйской одежды. Кот сопел рядом, натянув армейский бушлат на ноги, а его снятые берцы служили ароматизатором помещения. Белоснежка устроился рядом, на кухне, легкий снег падал на его пуховик. Эти спали спокойно – так спят дети, солдаты и умирающие. Один Боцман стонал и ворочался во сне. Прихожей ему было мало, он метался и время от времени бился кепкой о стены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.